

Ф. В. Булгарин

**Полное собрание
сочинений**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. В. Булгарин**
Полное собрание сочинений: Том 1 / Ф. В. Булгарин – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 257 с.

ISBN 978-5-518-08636-4

ISBN 978-5-518-08636-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПИСЬМО

КЪ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

АРСЕНІЮ АНДРЕЕВИЧУ ЗАКРЕВСКОМУ.

Прошло двадцать его лѣтъ съ тѣхъ поръ, (писано въ 1829 году) какъ я первый разъ Васъ увидѣлъ на полѣ сраженія, въ Финляндіи, когда незабвенный Графъ Николай Михайловичъ Каменскій велъ насъ къ побѣдамъ, и вмѣстѣ съ нами преодолевалъ труды немощныя, противопоставляемые климатомъ, мѣстоположеніемъ и храбрымъ непріателемъ. Двадцать лѣтъ — много времени: пятая часть цѣлаго столѣтія! Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось въ свѣтѣ. Смотри философскимъ окомъ на міръ, я утѣшаюсь въ моемъ ничтожествѣ тѣмъ только, что при переворотахъ счастья, нѣкоторые достойные люди, которыхъ зналъ я прежде, достигли высокихъ степеней заслугами и постояннымъ стремленіемъ къ общему благу. Радость моя — безкорыстная. Я ничего не ищу, ничего не желаю, кромѣ уваженія почтенныхъ людей и благосклонности публики, которыя стараюсь снискивать моими трудами и тихою моею жизнью. Избравъ Ваше Сіятельство изъ числа особъ, коимъ посвящено сіе со-

чиненіе, для объясненія предъ ними намѣреній моихъ при изданіи его въ свѣтъ, я пишу не къ Министру, котораго уважаю, но къ человеку, котораго люблю душевно. Вы не перемѣнились сердцемъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и въ Министерскомъ Кабинетѣ, Вы такъ же добродушны съ людьми, ищущими правды, каковы были на полѣ брани съ военными товарищами. Надѣюсь, что Вы благосклонно примете сіе письмо стараго солдата, который промѣнялъ саблю на перо, чтобъ подвизаться за правду — по крайнему своему разумію!

Любить отечество, значить — желать ему блага. Желать блага есть то же, что желать искорененія злоупотребленій, предрасудковъ и дурныхъ обычаевъ, и водворенія добрыхъ нравовъ и просвѣщенія. Бываетъ много случаевъ, гдѣ законы не могутъ имѣть вліянія на нравы. Благонамѣренная сатира способствуетъ усовершенію нравственности, представляя пороки и странности въ ихъ настоящемъ видѣ,

и указывая въ своемъ волшебномъ зеркаль, чего должно избѣгать, и чему слѣдовать. Вотъ съ какою цѣлю сочиненъ романъ : *Иванъ Выжигинъ*. Въ немъ читатели увидятъ, что все дурное происходитъ отъ недостатковъ нравственнаго воспитанія, и что всѣмъ хорошимъ люди обязаны Вѣрѣ и посвященію.

Цѣль благонамѣренной сатиры понимали всѣ великіе Законодатели Россіи, и часто сами прибѣгали къ ея помощи для истребленія пороковъ и предразсудковъ. Великій Петръ повелѣлъ переводить съ иностранныхъ языковъ на Русскій многія полезныя книги. Переводчикъ Пuffендорфовыхъ сочиненій выпускалъ все колкое на счетъ тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ Русскаго народа, и замѣнилъ сіи мѣста ласкательствами. Мудрый преобразователь Россіи прогнѣвался за это искаженіе подлинника, велѣлъ перевести книгу въ настоящемъ смыслѣ и посвятить Своему имени. «Не въ поношеніе Русскимъ приказалъ Я напечатать сатиру на наши нравы,» сказалъ Государь : «но къ исправленію. Пусть знаютъ, чѣмъ мы были, чѣмъ мы теперь, и чѣмъ быть должны. Если все, что въ книгѣ написано, неправда, то ложь насъ не обезславитъ ; а если сочинитель говоритъ правду, постараемся сдѣлаться такими, чтобъ слова его показались ложью.» (См. Штелина, Голикова : Дѣянія Петра Великаго, часть IV, и рукописныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, Нартова.)

Петръ Великій, при неуспѣшномъ попеченіи о гражданскомъ благоустройствѣ Россіи и о защитѣ ея отъ завистливыхъ сосѣдей, не могъ водворить Литературы, которая требуетъ для

созрѣнія много времени, и бросилъ только первыя сѣмена. Они принесли питательныя плоды не прежде царствованія Императрицы Екатерины Великой. Въ промежутки между сими двумя славными царствованіями начала расцвѣтать Русская Словесность, и первыми ея цвѣтомъ были : *Сатиры Князя Кантемира*, котораго по справедливости должно почитать первымъ изъ свѣтскихъ Россійскихъ писателей.

Великая Екатерина дала жизнь и опору возраждавшейся Словесности, и употребляла ее на очищеніе нравовъ. Рука, начертавшая Наказъ и упрочившая благоденствіе Россіи мудрыми законами и великими политическими планами, въ то же время умѣла владѣть орудіемъ благонамѣренной сатиры. По повелѣнію и подъ особымъ покровительствомъ мудрой Монархини издавался, въ 1783 году, журналъ, подъ заглавіемъ : *Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова*, въ которомъ помѣщаемы были весьма рѣзкія статьи о нравахъ. Въ этомъ журналѣ безпощадно разили пороки, предразсудки и причуды того времени, особенно между знатными. Императрица Сама благоволила помѣщать статьи Своего сочиненія въ этомъ изданіи, и какъ по малой начитанности въ тогдашнее время и по незнанію литературныхъ приличій, многіе изъ Русскихъ читателей не понимали истинной цѣли сихъ сатирическихъ статей, то мудрая Монархиня повелѣла напечатать въ журналѣ объясненіе, которое я привожу, какъ любопытный памятникъ образа мыслей Екатерины Великой, на счетъ сатирическихъ сочиненій вообще, а также въ уликъ тѣмъ, которые и нынѣ не понимаютъ, какая

можетъ быть польза отъ сатиры нравственной.

«Когда я писалъ, я ни о комъ не думалъ. Если не писать о слабостяхъ, человеку сродныхъ, то другихъ и описывать нечего. Когда слабости и пороки не будутъ порицаемы, тогда и добродѣтель похвалена быть не можетъ: чрезъ познаніе первыхъ, послѣдняя познается. Если же кто себя въ книжкѣ моей узнаетъ въ порокомъ или непохвальномъ изображеніи, онъ самъ подвернулъ себя или подобралъ подъ оное, и здравый разсудокъ повелѣваетъ ему исправиться, а не сердиться. Требуется ли отъ кого, чтобы въ украшенныхъ убранныхъ комнатахъ зеркала были разбиты для того, чтобы дурные лица не въ нихъ не узрѣли? Не сердись, но исправься, читатель; тогда, будучи въ мирѣ со мною, я тебя забавлять стану, а ты, исправленіемъ своихъ слабостей, заслужишь общее съ моимъ почтеніе *).»

Вотъ что я буду отвѣчать тѣмъ, которые захотятъ перетолковывать цѣль моего романа!

Знаю, что искренность моего Выжигина не понравится людямъ, которые всякую правду, громко сказанную, почитаютъ своевољствомъ, всякое обличеніе злоупотребленія приписываютъ дурному намѣренію; которые просвѣщеніе, единственное средство къ благоденствію народовъ, почитаютъ зломъ, и, подобно татямъ, желаютъ водворенія общаго мрака, усыпленія умовъ, глубокаго молчанія, чтобъ поступки ихъ были сокрыты. Имъ-то можно приписать то, что сказалъ безсмертный творецъ комедіи: *Горе отъ ума*:

*) См. часть I, стр. 9. Выписка сія напечатана курсивомъ и въ подлинникѣ.

« — — — Ужъ коли зло пресѣчь,
Забрать осьпъ книжи бы — да съжечь!»

Но, нѣтъ! Наше мудрое Правитель-ство печется о просвѣщеніи, о водвореніи нравственности, и, вопреки толкамъ закоренѣлыхъ старовѣровъ, поборниковъ невѣжества, даетъ уму просторъ. Благонамѣренные люди всѣхъ сословіи чувствуютъ въ полной мѣрѣ великодушныя намѣренія мудрыхъ нашихъ Государей, и готовы всеми силами споспѣшествовать общему благу. Ценсурный Уставъ, Высочайше конфирмованный Апрѣля 22-го 1828 года, есть самый прочный памятникъ любви къ просвѣщенію и къ истинѣ обожаемаго нами, правосуднаго Монарха, — памятникъ, достойный нашего вѣка и могущественной Россіи! Намъ остается только молить Всевышняго, чтобъ исполнители великодушныхъ намѣреній нашего Государя постигали Его великія предначертанія: тогда счастье наше будетъ совершеннымъ, и для Словесности Россійской вновь наступитъ золотое время Державинныхъ, Фонъ Визинныхъ.....

Наша знать не читаетъ по Русски, чужда Русской Словесности; наши дамы даже рѣдко говорятъ отечественнымъ языкомъ, и многіе думаютъ, что это важная преграда къ возвышенію Словесности. Нѣтъ, это не преграда, но препятствіе, которое, однако жъ, не въ состояніи удержать ея стремленія. *Недоросль* и *Бригадиръ* фонъ Визина, *Ябеда* Капниста, *Рекрутскій наборъ*, *Неслышанное диво*, представлены были на театрѣ, по волю мудрыхъ Выщепосцевъ Россіи. *Вельможа* Державина напечатанъ съ соизволенія Екатерины Великой. И такъ, могутъ ли быть преграды тамъ, гдѣ Самодержцы

дѣйствуютъ въ духѣ Своего времени, ко благу, т. е., къ просвѣщенію Своихъ подданныхъ? Благодаря Бога, у насъ есть еще истинные Русскіе вельможи, заслугами пріобрѣтшіе право приближаться къ свѣщеннымъ ступенямъ Трона : они очистятъ туда же путь истиннѣ. Такія мысли утѣшаютъ сердце и окрѣпляютъ умъ.

Долгомъ поставлю сказать нѣсколько словъ о моемъ романѣ, въ отношеніи литературномъ. Школяры и педанты, желая непремѣнно держать умы въ тискахъ вымышленныхъ ими правилъ для каждаго рода Словесности, сколотили особия тѣсныя рамочки, и требуютъ, чтобъ каждый писатель писалъ по ихъ мѣркѣ. Отступить отъ этихъ правилъ почитается литературною ересью. Но откуда родились эти правила? Они составлены изъ сочиненій авторовъ, которые писали, не зная другихъ правилъ, кромѣ законовъ вкуса своего времени и своего народа, не зная другихъ образцовъ, кромѣ природы. Другія времена, другіе нравы. Но школяры, скованные въ умъ своею цѣпью предразсудковъ, непремѣнно требуютъ, чтобъ во все времена, у всехъ народовъ, поэмы писаны были, какъ во времена Гомера и Виргилія, оды по правиламъ Пиндара и Горація, трагедіи по Расиновски, комедіи Мольеровскимъ покровомъ, нравственныя романы въ видѣ задачъ. По правиламъ надобно : чтобъ герой романа дѣйствовалъ какъ Байрдъ, говорилъ сентенціями, какъ ораторъ, и представлялъ собою образецъ чловѣческаго совершенства — и скуки. Когда сочиненіе мое было почти готово, я получилъ книжку прекраснаго Французскаго журнала, *Revue Britannique*, (№. 29,

1827), и къ удовольствію моему, нашелъ статью, подъ заглавіемъ : «*Отъ чего герои романовъ такъ приторны?*» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, авторъ говоритъ : «*Отъ совершенства, въ которомъ ихъ представляютъ. Это ангелы, а не люди.*» Далѣе говоритъ авторъ : «*Намъ представляютъ героев романа какими-то театральными божествами, и отъ того они также холодны. Многие думаютъ, что представить ихъ слабыми, нерѣшительными, подвластными обстоятельствамъ, значитъ унижить ихъ. Но мы люди, мы имѣемъ слабости, и потому самыя недостатки чловѣчества занимаютъ и трогаютъ насъ болѣе.*» — Таковъ былъ и есть мой образъ мыслей на счетъ героев романа. Мой Выжигинъ есть существо доброе отъ природы, но слабое въ минуты заблужденія, подвластное обстоятельствамъ — однимъ словомъ : чловѣкъ, какихъ мы видимъ въ свѣтъ много и часто. Такимъ хотѣлъ я изобразить его. Происшествія его жизни такого рода, что могли бы случиться со всякимъ, безъ прибавленій вымысла. Поправится ли читателямъ моимъ эта простота въ происшествіяхъ и разсказѣ — не знаю. Пусть простятъ недостатки ради благой цѣли, и потому, что это первый оригинальный Русскій романъ въ этомъ родѣ. Смѣло утверждаю, что я никому не подражалъ, ни съ кого не списывалъ, а писалъ то, что рождалось въ собственной моей головѣ. Пусть литературные мои противники бранятъ. Выжигина : они будутъ имѣть сугубое удовольствіе — бранить и не получать отвѣта.

Я даже не касался нашей Словесности орудіемъ моей сатиры, потому, что она требуетъ еще помощи, а не

сопротивленія ; она еще не состарьлась и не обременена болѣзнями, вредными нравственности. Литераторовъ же у насъ такъ не много, что они въ обществѣ не составляютъ особаго сословія, какъ въ другихъ странахъ. Вреднаго у насъ не пишутъ, а кривые толки о Словесности и оскорбленіе достойныхъ писателей не имѣютъ ни какого вѣсу въ публикѣ, и служатъ только къ стыду самихъ пристрастныхъ и незрѣлыхъ критиковъ. Я оставилъ ихъ въ покоѣ : лежачаго не бьютъ !

Что же касается до нравственныхъ портретовъ въ моемъ романѣ, то ихъ можно было бы умножить, и пред-

ставить многія вещи гораздо сильнѣе. Но я почелъ за благо слѣдовать правилу нашего неподражаемаго баснописца И. А. Крылова :

*«Баснь эту можно бы и боль полнить ;
Да чтобъ гусей не раздражить.»*

Вотъ побужденія и правила, которыми я руководствовался при сочиненіи Выжигина. Одобреніе Вашего Святельства будетъ мнѣ ручательствомъ въ добромъ мнѣніи людей благонамѣренныхъ, и самымъ сладостнымъ утѣшеніемъ въ кривомъ толкѣд ру ихъ.

Оадей Буларинъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Феврал 6 дня, 1820 года.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ.

Романъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
ГЛАВА I.		ГЛАВА XIII.	
Сиротна, или картина челоѣчества, по вкусѣ Фламандской школы	1.	Плѣнь у Киргизцевъ. Киргизскій Философъ Арсалапъ-Султанъ. Я сдѣлался патэдни- комъ	66.
ГЛАВА II.		ГЛАВА XIV.	
Г. Гологордовскій и его семейство	5.	Разсказъ Арсалапъ-Султана о пребываніи его въ Россіи	72.
ГЛАВА III.		ГЛАВА XV.	
	10.	Слѣдствія жестокой эпмы въ степи. Набѣгъ. Радостная встрѣча съ первымъ моимъ благодѣтелемъ	79.
	13.	ГЛАВА XVI.	
ГЛАВА V.		Разсказъ Миловидниа. Нравственный авто- матъ и его домоправительница. Семья старой дѣвы. Панаорама Московскаго об- щества. Дружескій кадриль. Русская чужеземка. Общество на теплыхъ водахъ. Взглядъ на Венецію	84.
Балъ и похищеніе	16.	ГЛАВА XVII.	
ГЛАВА VI.		Рѣшеніе Старѣйшинъ Киргизскихъ относи- тельно моего вознагражденія. Продолже- ніе разсказа Миловидниа. Дуэль. Бѣгство. Жидъ-Ренегатъ. Прибытіе въ Константи- нополь. Что такое Пера? Имѣйна. Рабство Освобожденіе.	92.
Бракъ, разлука съ новобрачными	20.	ГЛАВА XVIII.	
ГЛАВА VII.		Выѣздъ изъ степи. Опять Капитанъ-Исправ- никъ! Мытари. Пиръ приказныхъ	102.
Богатый Жидъ. Источники его богатства	23.	ГЛАВА XIX.	
ГЛАВА VIII.		Дѣловая бесѣда у Русскаго купца. Безпо- койный челоѣкъ. Коштива злодѣя	112.
Встрѣча чиповника возвращающагося съ мѣста, съ чиповникомъ ѣдущимъ на мѣ- сто. Я оставлю Жиду	30.	ГЛАВА XX.	
ГЛАВА IX.		Помѣщикъ, какихъ дай Богъ болѣе на Руси. Каковъ попъ, таковъ и приходъ	120.
Нечаянная встрѣча. Превращеніе. Тетушка. Мое воспитаніе.	33.	ГЛАВА XXI.	
ГЛАВА X.		Удалой помѣщикъ. Сила Минничъ Глазду- рничъ	129.
Экзаменъ въ пансіонѣ. Искуситель. Новый пріятель тетужкинъ. Что-то похожее на первую любовь. Отѣздъ изъ Москвы	43.		
ГЛАВА XI.			
Я узнаю короче Воробитина. Подслушан- ный разговоръ. Предчувствія. Капитанъ- Исправникъ	51.		
ГЛАВА XII.			
Вольноотпущенный. Дупатикъ. Обманутая любовь	61.		

ГЛАВА XXII.

Разсказъ отставнаго солдата. Прибытіе въ Москву. Исторія тетушки. Я нахожу свою мать. Обольститель. Убийцы 135.

ГЛАВА XXIII.

Окончаніе исторіи Аделаиды Петровны. Замужство. Перевоспитаніе. Вольная жизнь. Пагубныя слѣдствія легкомыслія. Я вступаю въ свѣтъ. Визиты 143.

ГЛАВА XXIV.

Картина большаго свѣта. Встрѣча съ милымъ врагомъ. О, слабость человѣческая! 153.

ГЛАВА XXV.

Исторія Груни. Дружба съ умною Актрисою, или самый легкій, самый вѣрный и самый пріятный способъ къ разоренію. 160.

ГЛАВА XXVI.

Избави пастъ отъ лукаваго! Урокъ дневнаго разбол. Совѣты отставнаго солдата. Я опять съ деньгами 168.

ГЛАВА XXVII.

Ложные игроки. Письмо отъ Миловидина. Онъ нашелъ жену свою. Раскапные Петровныяъ, или шахъ и мать заимодавцаъ. Кончина Г-на Гологородовскаго. Г. Почтивскій, другой зять его 173.

ГЛАВА XXVIII.

Молодой баричъ, Глушашичъ. Любитель Драматическаго Искусства. Разстройство въ разбойничьемъ вертепѣ. Бѣда. Бѣгство

Груни. Честность въ волчьей шкурѣ, или не должно встрѣчать по платую. Эгоистъ. 182.

ГЛАВА XXIX.

Намѣреніе жениться. Подольческая Ариеметика. Знакомство съ богатымъ откупщикомъ. Пирушка въ домѣ купца Мошина. Его семейство. Домашній театръ. 191.

ГЛАВА XXX.

Неудача въ спавотствѣ. Письма изъ Киргизской степи и изъ Парижа. Отъѣздъ въ армию. Война. Отличіе. Возвращеніе въ Москву. 199.

ГЛАВА XXXI.

Отставка. Отъѣздъ въ Петербургъ. Разница между Петербургскимъ и Московскимъ обществомъ. Злодѣйскій умыселъ. Несчастная Олишка. Я заключенъ въ тюрьму. Можно быть счастливымъ и въ бѣдствіи. 210.

ГЛАВА XXXII.

Избавитель. Не мѣсто, а преступленіе безчестить человека. Праведное наказаніе злодѣя. Тайна открывается. Духовное заѣпаніе. Любовь и дружба. Процессъ. Ходатаи. Секретари. Посѣщеніе Судей. Вездѣ есть добрые люди. 221.

ГЛАВА XXXIII.

Ростовщики. Окончаніе тяжбы. Дополненіе къ разказу Петра Петровича. Участь литераторовъ. Бѣда отъ хашей. Выслужники. Бракъ. Милость Вельможи. Ходъ дѣлъ. Набѣгъ родственниковъ. Отставка. Хорошій конецъ всему дѣлу вѣнецъ. Заключеніе. 233.

ИВАНЪ ВЪ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

Сиротка, или картина человечества, во вкусъ Фламандской школы.

До десятилѣтняго возраста я росъ въ домѣ Бѣлорусскаго помѣщика Гологордовскаго, подобно доморощенному волченку, и былъ извѣстенъ подъ именемъ *сиротки*. Никто не заботился обо мнѣ, а я еще менѣе заботился о другихъ. Никто не приласкалъ меня изъ всѣхъ жившихъ въ домѣ, кромѣ старой, заслуженной собаки, которая, подобно мнѣ, оставлена была на собственное пропитаніе.

Для меня не было назначено угла въ домѣ для жительства, не отпускалось ни пищи, ни одежды, и не было опредѣлено ни какого постояннаго занятія. Лѣтомъ, я проводилъ дни подъ открытымъ небомъ, и спалъ подъ навѣсомъ хлѣбнаго анбара или на скотномъ дворѣ. Зимой, я жилъ въ огромной кухнѣ, которая служила мѣстомъ собранія всей многолюдной дворнѣ, и спалъ на большомъ очагѣ, въ теплой золи. Лѣтомъ, я ходилъ въ одной длинной рубахѣ, подполсавшись веревкою; зимою, прикрывалъ наготу свою чѣмъ попало: старою женскою кофтой или полуразрушившимся армякомъ; этимъ убраннымъ снабжали меня сострадательные люди, не зная, куда дѣвать старыя тряпки. Я вовсе не носилъ обуви, и такъ закалѣлъ мои ноги, что ни мягкая трава, ни грязь,

ни ледъ не производили въ нихъ ни какого ощущенія. Головы я также никогда не прикрывалъ: дождь смывалъ съ нея пыль, снѣгъ очищалъ золу. Питался я остатками отъ трапезы дворовыхъ людей, въ разныхъ отдѣленіяхъ дома, и лакомился яйцами, которыя подбиралъ въ окрестностяхъ курятника и подъ хлѣбнымъ анбаромъ; остатками въ молочныхъ горшкахъ, которые я вылизывалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, и овощами, краденными по ночамъ въ огородѣ. У меня не было ни какого непосредственнаго начальника, а всякій помыкалъ мною по произволу. Лѣтомъ, меня заставляли пасти гусей на выгонѣ, или на берегу пруда стеречь утятъ и цыплятъ отъ собакъ и коршунувъ. Зимой, меня употребляли вмѣсто машины для оборачиванія вертѣла на кухнѣ, и это было для меня самое пріятное занятіе. Всякій разъ, что поваръ или поваренки отворачивались отъ очага, я прворно дотрогивался ладонью до сочнаго жаренаго, и подъ рукавомъ сосалъ жирную руку, какъ медвѣдь лапу; иногда я очень искусно обрывалъ куски ветчины изъ пнигованья, и похищалъ котлеты изъ кастрюль. Главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобъ быть на по-

сыдкахъ у всѣхъ лакеевъ, служанокъ и даже мальчиковъ. Меня посылали въ корчму за водкою, ставили на часы въ разныхъ мѣстахъ, не извѣстно для какой причины, приказывал свистѣть или бить въ ладоши при появленіи господина, прикащика, а иногда даже другихъ лакеевъ и служанокъ. По первому слову: «спротка! сбѣгай туда-то; клини того-то,» я пускался изъ всѣхъ ногъ, и исполнялъ приказанія со всею точностью, потому, что малѣйшее упущеніе влекло за собою неминуемые побои. Когда меня ставили на часы и не велѣли оглядываться (что особенно случалось въ саду), я стоялъ, какъ вкопанный въ землю, не смѣлъ даже шевелить глазами, и тогда только двигался, когда меня сталкивали съ мѣста. Иногда, хотя очень рѣдко, меня награждали за мою усердную службу кускомъ чернаго хлѣба, старой ветчины или сыру; и я, какъ ни бывалъ голоденъ, всегда однако жъ дѣлился этимъ съ моею любимого собакой, *кудлашкою*.

Видя, какъ другихъ дѣтей ласкаютъ и цѣлуютъ, я горько плакалъ, не знаю, по какому-то чувству зависти и досады; ласки и лизанье *кудлашки* облегчали грусть мою, и дѣлали сноснѣе мое одиночество. Смотря, какъ другія дѣти ласкаются къ своимъ матерямъ и нянькамъ, я ласкался къ моей *кудлашкѣ*, и называлъ ее маменькою и нянюшкою, обнималъ ее, цѣловалъ, прижималъ къ груди и валялся съ нею на песокъ. Мнѣ хотѣлось любить людей, особенно женщинъ; но я не могъ питать къ нимъ другаго чувства, кромѣ боязни. Меня всѣ били и толкали: съ досады, для забавы и отъ скуки. Когда я попадался на встрѣчу лакею или служанкѣ, получившимъ гонку или побои отъ господъ, они вышесали на мнѣ свою досаду, сгоняя съ дороги пощечиною или щелчкомъ, съ приговоркою: «пошелъ прочь, *сиротка!*» Если я изъ любопытства хотѣлъ иногда

посмотрѣть, какъ запрягаютъ цугомъ лошадей, — кучера, чтобы возбудить смѣхъ въ другихъ зрителяхъ, хлопали бичемъ надъ моею головою, или стегали по ногамъ, и заставляли меня съ волею прыгать подъ ударами. Къ царямъ я не смѣлъ приближаться на разстояніе длины арапника. Даже пастухи издѣвались надо мною: они, для шутки, вгоняли меня плетью въ стадо, и утѣшались, смотря, какъ я въ страхъ увертывался между коровами и овцами. Два господскіе сынка забавлялись, стрѣляя въ меня изъ лука, и травя малыми комнатными собачками, отъ которыхъ, однако жъ, защищала меня всегда моя *кудлашка*.

Самого барина я рѣдко видалъ: встрѣтивъ меня однажды на дворѣ, онъ запретилъ мнѣ приближаться даже къ окнамъ господскаго дома, и такъ странно стукнулъ ногою, примолвивъ: «прочь, звѣренко!» что я не смѣлъ болѣе показываться ему на глаза, и прятался въ собачью канурку, лишь только бывало, завижу его издали. Барыню и двухъ барышень я видалъ не иначе, какъ чрезъ заборъ въ саду или въ коляскѣ, и зналъ ихъ только по нарядамъ. Прикащика и его жены я боялся, какъ смерти, потому что они нѣсколько разъ съжгли меня, въ примѣръ милому ихъ сынку, который не хотѣлъ учиться азбукъ, но любилъ разорять птичьи гнѣзда, и швырять камнями въ господскихъ утятъ и цыплятъ: истребленіе домашнихъ птицъ этимъ негодиемъ, приписывалось коршунамъ и моему несмотрѣнію. Въ наказаніе за проказы этого шалуна, его заставляли смотрѣть, какъ меня съжгутъ, и слушать нравоученіе, которое заключалось въ сихъ словахъ: «Смотри, Игнашка, если ты будешь долѣе шалить, и не станешь учиться, то и тебя будутъ такъ же больно сжѣ, какъ этого *сиротку*. Слышишь ли, какъ онъ визжитъ? Вотъ и ты запоешь этимъ же голосомъ!» Въ награжденіе за драматическое предста-